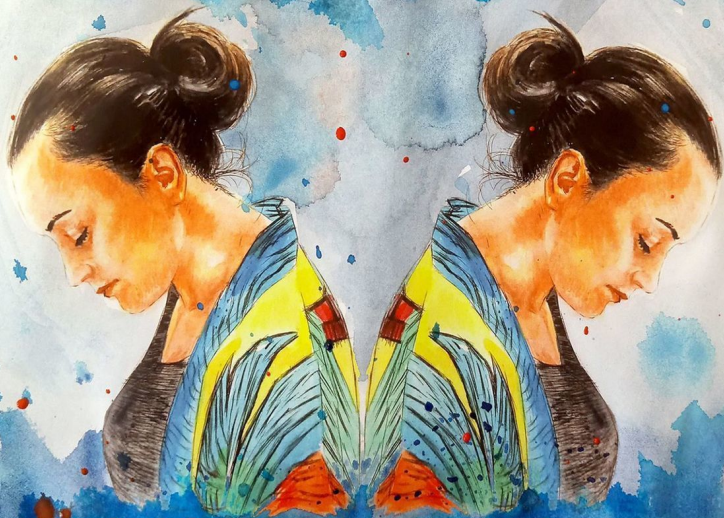

SOULS

LILIEN MOORE

Lilien Moore

SOULS

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712066

ISBN 9785449300539

Аннотация

Говорят, что истинный писатель олицетворяет совесть нации. Именно такой и является главная героиня повествования – Лилиен Мур. Эта книга о становлении личности. Она рассказывает о девушке, которая каждый день движется вперед по пути самоотверженного становления себя, обретения своего имени и места в жизни, но она и представить не могла, куда приведет ее эта борьба. Любовь, к которой Лилиен стремилась всю жизнь, изменила не только ее саму, но и множество человеческих судеб по всему миру.

Содержание

Загадочная душа Лилиен Мур	5
SOULS. Начало	10
SOULS 2. Нас двое	41
Конец ознакомительного фрагмента.	68

SOULS

Lilien Moore

Редактор Сеяре Кокчиева-Усейнова

Иллюстратор Эльзара Сейдаметова

Дизайнер обложки fer(a)art: Feruze Akay, Hasan Baykuş

© Lilien Moore, 2019

© Эльзара Сейдаметова, иллюстрации, 2019

© fer(a)art: Feruze Akay, Hasan Baykuş, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-0053-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Загадочная душа Лилиен Мур

Souls – это значит души. Вы знаете, что такое экстериоризация? Это отделение души от живого тела. «Я слышу немые мысли и беспокойные чувства ближних и прохожих; я знаю людей, с которыми меня разделяют моря и океаны, но которые не знают меня, однако их души, сбегая от остальной части человечества в мои сны и просят моей помощи».

Эмпатия. Эмпат четко видит и понимает, что именно происходит с собеседником в данный момент. В повести Лилиен Мур эмпатия – это встреча душ в подсознании. Souls – души... Нет, это не Элизиум древних греков, где обитали блаженные души. И не дантовский весьма театрализованный потусторонний мир. Это мир тут-сторонний. Он таков, тут-сторонний мир. Какой-то он такой, знаете ли... Автор увидел и рассказал о скрытых от самих людей бытии их душ. И тел. «Я уснула на улице с таким же, как я, приبلудившимся псом. Он согрел меня. Позже появился еще один, и так к полуночи вокруг меня собралась стая из пяти бездомных собак» – эмпатия особенно сильна у некоторых животных. Где это происходит? Есть измочаленная фантастами тема внеземного мира, где реализуются мечтания и грезы. В повествовании Лилиен Мур нет рутинных шаблонов, здесь идет другая драма – драма душ, пребывающих в земном мире, но находящихся в параллельном от своих тел общении.

На Земле, в мире людей. «...никогда не станут понятны нам бесконечные просторы объективной реальности. Процессы и явления, окружающие нас не в нашей власти» – простая констатация, но здесь её можно повторить. Меня приятно удивляет вообще отсутствие банальностей в фантазии Лилиен Мур. Если говорить о стилистике, то без Кафки не обошлось – Кафка вообще в значительной мере определил литературу XX века. В «Souls» Лилиен Мур присутствует кафкианская двуплановость, когда на заднем плане реальные события, а на переднем плане фантастическое общение душ. Не обошлось и без иронии и сарказма Рабле – не знаю, насколько великий француз близок автору. Возможно, и не надо искать сближений. Очень может быть, что автор черпает из себя. Впрочем, известно утверждение великого композитора Альфреда Шнитке, что не он пишет музыку, а им пишут. Кто? – если бы знать!

Импонирует смелость автора в конструировании неожиданных фантастических ситуаций. При этом ситуации имеют внутреннюю напряженную логику, и выход из этих ситуаций весьма увлекательный. Язык и стилистика вообще заслуживают отдельного комплиментарного разговора. Но не будем в краткой рецензии растекаться лесной белкой по древесному стволу. Читайте и познаете. И образность высказываемых мыслей не тривиальна, так что давно известные истины представляет нам в новом одеянии. «Миром управляют... знания о том, как и кому впарить барахло по космиче-

ской цене, как поработить другого человека, как захватить чужую территорию, как эффективно убивать – вот что интересует людей» – мы знаем, что это так, но высказано свежо. «Их глупость так многоопытна, и я не знаю, как их победить» – неплохо сказано. Любит ли автор перечитывать «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского? «Вокруг царил запах мертвечины и свежей рыбы» – кто так может сказать? Не Хемингуэй, даже не Мелвилл. Возможно, что Маркес.

Фантасмагории. И вдруг совершенный критический реализм! Абзацы как бы из «Титана» Теодора Драйзера – нет, не в смысле клише, а в смысле конфликта капиталистических акул с поправкой на реалии XXI века.. Но это изменение стиля вполне вписывается в фабулу повествования. Синтетичность здесь уместна. А еще и стиль Франсуазы Саган с её наивностью и открытостью чувств? – да, похоже, что моя догадка верна. О, эти женщины! Вдруг появляется фантасмагория в реальном мире: «Снова очередной незнакомец стоит у моих дверей, как неприкаянный...»

– Держи, – я стукнула перед ним стаканом, до краёв наполненным моей кровью. – Свежая? – Свежая, свежая. Смотри, не подавись. Это последняя».

Автор рефлексировать, рефлексии воздымают накат волн и эти волны уводят душу в неправильный мир, где знакомый инопланетянин устраивает погружение в болото, в этом опасном мероприятии помогает белый-белый снежный человек. Оказалось, рефлексировать опасно. Но так ли уж пра-

вилен называемый нами правильным мир? А в неправильном, оказывается, живые души могут общаться с неживыми. Прочитывая первый раз эту повесть, остаешься погруженным в тайну, которая заставляет вернуться к началу. После второго прочтения уже возникает другая тайна – удивительный талант молодого автора. Откуда что берется? Талант выше всяческих «измов». Немногие, но оценят зрение Лиlien Мур. Фильтр.

Айдын Шемьи-Заде

* * *

- мысли, которые хочется впитывать;
- история, в которой читатель свободен;
- книга, к которой хочется возвращаться...

Кокчиева Айше, историк

* * *

Одно из самых глубоких и чувственных произведений из моего личного списка. Оригинальный сюжет и манера подачи. Довольно сильные философские размышления и, в то же время, простые истины. Однозначно, очень сильная работа!

Бекирова Эдие, фотограф.

* * *

При создании иллюстраций я всё снова и снова прочитывала строки, чтобы окунуться в ту атмосферу, которую хотел передать автор и изобразить наиболее тонкую эмоцию через образы героев, детализировку и цветовую палитру, которая передаёт настроение всей композиции. Я рада, что приняла участие в создании такого глубокого эмоционального труда и смогла внести свою частичку.

Эльзара Сейдаметова, художник

SOULS. Начало

Дерево произрастает из семени, а любовь – из души.

– «Сестра... Алиса. Ты меня слышишь? Ты ведь знаешь, что когда тебя нет рядом, я всегда мысленно говорю с тобой, всегда рядом душой. Ты веришь, что расстояние, как огрызок времени, оно для нас и все, и ничего. Сегодня такой день: он, как ни странно, идет из прошлого. Жаль, тебя все так же нет рядом, и меня некому защитить, а ты видела – я сильно изменилась... Сестра, сестра... как ты там живёшь? Я не знаю, что прячет твое сердце. Каждого человека я вижу насквозь, но понятия не имею, кем являешься ты. Но ты – моя душа, а я – твоя. Мы две души в этом бесконечном мире».

Онни¹, в Вечности пишу тебе письмо. Мечтаю дотянуться до тебя. Мечтаю воплотить все твои мечты. Моя душа раздавлена, и от того так тяжело дышать. Страшно жить в мире, где я вынуждена наблюдать человеческую боль, в мире, где не рядом ты, где не знает меня он, где вдали от своих родных я... я просто хочу выбрать счастье. Наступает ночь и весь мой свет собирается в точки под Луной. Открыто окно, и я

---

¹ Этническое обращение к старшей сестре.

одна в черной квартире. Четвертый этаж и поддувает прохладный летний ветерок, но мне кажется, что его ощущает не кожа, а душа моя, которая все еще не покинула мертвое тело.

Я даже почувствовала облегчение от того, что остаюсь в одиночестве. И тут очень спокойно. Тут больше нечего терять. Быть здесь, на дне, намного легче. Это уже мой дом. Грязные мысли, грязное тело и я – вместе мы пытаемся спрятать чистое сердце, но, тщетно. Мне не составило бы особого труда гнить на земле вечность, если бы не родители, мечты и ты. Когда я снова и снова смотрю на людей, цепляющихся покоренными вершинами за жизнь, мои мысли очищаются, а сердце тяжелеет, словно от камней. Я поднимаюсь на ноги, смываю с тела всю грязь – и душа рвется ввысь. Но, стоит только коснуться облаков, как на меня низвергаются грозы и молнии, и сжигают крылья. Падая с небес, мое тело разбивается о скалы, а дно притягивает все, что от меня осталось. И так всегда, и так целую вечность. Потому что... потому, что я никому не нужна, и никто не добавляет сил моим упрямству и стойкости. Никто не разгонит тёмные тучи, никто не подаст руки мне – срывающейся со скалы... и ничто не изменится... правила всё возвращают на круги своя, всё, без исключений.

– Ты скучаешь по ней? – выглянула из-за двери моя соседка.

– Она завтра возвращается к нам.

Соседка говорила о человеке, который считал меня лучшим другом, а я была в глубоком сне и не чувствовала никакой взаимности. Только сейчас я должна ответить что-то совершенно определенное. Будь я человеком – так бы и сделала. Но я – не человек:

– Я не умею скучать.

На меня обрушились воспоминания: не так давно еще один человек, который тоже считал меня лучшим другом, вернувшись из длительной поездки, задал тот же вопрос. Его глаза горели и были полны слез (он подхватил в поезде простуду). Я не смогла смотреть в них от стыда, но и изменить себе я тоже не смогла. Мой ответ был таким же.

– А по маме? – подняла брови соседка, изображая непонимание.

– Я и так всегда с ней, – ответила я и затихла.

– А. Тогда понятно.

Соседка замолкла.

Более я ее не замечала.

– «С того момента, как 5 лет назад, моя сестра уехала из дома, я не умею скучать. Я разучилась», – мысленно ответила я моему лучшему другу.

Алиса, в моем сердце нет зла, нет ненависти, жажды мести, но вокруг себя я вижу людей, хоть и глупых, но способных заронить во мне семена всего этого. Ни с одним из них мне не хотелось бы иметь никаких дел. Их глупость так мно-

гоопытна, и я не знаю, как их победить. Я не знаю, как их задеть, чтобы дать им почувствовать, что пришло время перемен – пора меняться! С ними я становлюсь не сдержанной, скорее, грубой, чувствуя, что выгляжу ничуть не лучше их.

– Алло?

– Алло.

– Онни! Ну, что?! Тебя отчисляют? – мой голос был неуместно довольным.

– Наверно...

– Меня тоже... – тихо прибавила я.

– Тебя-то за что?! – оживилась теперь она.

– Ты еще спрашиваешь, за что?! За серьезное отношение к учебе, за неистовое желание реализоваться в изучаемой сфере, за огромное уважение к университету... ну, впрочем, за то же, что и тебя.

– Ха-ха! – рассмеялась она. – Вот ненормальная!

– Весь мир переполнен такими! Ну, а мы с тобой, что будем делать? В деревню, коровам хвосты крутить?

– Зачем? Поедем за границу на заработки.

– Нужны мы там... – не оставлял меня сарказм.

– Кто их спросит?

Это был очень очевидный ответ, но меня просто разрывало от смеха (ну почему я сама не додумалась до него?).

– Ха-ха! Действительно! ... Алиса? – проговорила я, когда, наконец, прошёл приступ истерики.

– А?

– Да, ничего, – подумав, ответила я.

– Что-то случилось?

– *«Сестра, почему мой взгляд ничем не убить? Почему я не умираю? Сестра, почему бы им просто не убить меня одним ударом? Мне интересно, откуда моя сила пришла? Почему дух волчицы вселился в меня? Зачем мы идем? Почему все это происходит с нами? Мне интересно, что я должна в этот мир принести? Я чувствую, что я что-то здесь потеряла, оставила ребенка, вроде тебя, и должна обрести его снова».*

Нет, – ответила я.

– Все нормально?

– Да.

– Береги себя, – прощальная фраза под конец разговора, печальные тревожные гудки...

О чем молчим не знаем сами, от того и молчим.

Онни. Я живу отчужденной жизнью. Ночью, когда закрываю глаза, и когда постель – мое любимое место, я вижу прежние места в неопределенные времена. Но я не вижу того же, что видит мой сосед по парте. Никогда: ни днем, ни ночью. Порой я становлюсь совершенно слепой, но я слышу немые мысли и беспокойные чувства ближних и прохожих; я знаю людей, с которыми меня разделяют моря и оке-

аны, но которые не знают меня, однако их души, сбегают от остальной части человечества в мои сны и просят моей помощи.

Внутри меня борьба. Мою память залатали, спрятали под шагами человеческими на Земле, отправили на непонятную мне планету. Я что-то должна этому миру, должна что-то здесь совершить. Я чувствую, что человеческая кожа слишком мала, зачем же я в нее одета? В ней не удаётся спрятать меня. *Я просыпаюсь*, когда я закрываю глаза и засыпаю, когда постель мое любимое место.

– Ох. Прекрати есть этот мусор! – выбросила я остатки семечек на стол.

Мои глаза следили за черными семенами, ожидая, что они вот-вот сдвинутся с места под воздействием моего взгляда. Может я и выглядела вполне беззаботной и спокойной, откинувшись на спинку лавочки, но в голове я судорожно вела отсчет времени, когда семечка встанет и побежит. Мне не пришлось удивляться, поэтому я и взбесилась:

– Хватит это жрать есть! – я собрала все в кучу вместе с кожей.

– Пошли, – я протянула руку, чтобы Алиса отдала мне то, что осталось у нее в руке. Но она, как всегда, оставалась непреклонна.

– Сейчас. Доем.

– Пошли!

Она убрала кожуру семечек с губ и гладко выдала:

– Доем.

– Уф!

Я шумно свалилась обратно и силой ударилась о спинку лавочки, досчитала до десяти, что, впрочем, мне никогда не помогало, и, уже была готова испепелить эти 10 цифр!

– Знаешь, что мне мама сегодня сказала?

О, вот чего я ждала. Моя злость стала утихать.

– И что же?

– Когда ты выйдешь замуж, я останусь одна.

– Это еще почему?

– От того, что меня никто не интересуется и от того, что мне наплевать на это.

– Мм... – меня это лишь улыбнуло. Родители конечно имеют привычку подкидывать интересные мысли, додуматься до которых можно лишь имея недюжинный опыт и старание.

– Я сегодня сказала своей маме, что не выйду замуж. Вот какое совпадение! Так что ты не останешься одна.

– Та! – небрежно махнула она рукой.

– Мне все равно, что там решит твой будущий муж, – она смотрела на меня совершенно серьёзно и одновременно так просто, словно говорила о чём-то само собой разумеющемся:

– Закроет дверь передо мной – залезу в окно. Знаешь, мне плевать! – ее жесты усилились, и я заметила оживление в голосе, и даже злость: может это была ревность.

– Я не понимаю этого. Что за муж, который вредит своей жене?! Что значит «запрет на встречу с тобой»? Бред. Ничего не выйдет. Но ты же знаешь, я приму того, кого ты назовешь своей половинкой, мне все равно, кем он явится, ведь даже являясь убийцей, он будет защищать одну тебя. Если все отвернуться от тебя, когда ты попросишь благословения, я приму тебя, помни это. Главное – твои интересы и чувства, главное, что ты с ним счастлива.

– О-го-го! Скажешь тоже! В принципе, могу повторить тебе то же самое. Я согласна с тобой. Вообще, вокруг бытуют странные понятия о браке.

– Да. Я такая, что вообще бы не ставила эти штампы. Такая попытка позариться на мою свободу не самая удачная затея.

– Ха-ха! Какая сейчас разница? Наши половинки где-то скитаются по миру, и, кажется мне, не собираются еще за нами приходить.

– Если таковые имеются. Ну, я говорю о себе.

– Имеются. Я видела их. Я постоянно их вижу.

Под звуки голоса Алисы я собирала каждое ее слово, стараясь не упустить ни одного, но порой, она очень медленно говорит, и моё внимание поневоле рассеивается. Монотонность повествования только действует мне на нервы, ведь она против меня. Алиса знает, я ей говорила: «Сестра, иногда я не слышу, хотя слух у меня отличный». Мои уши просто не слушают, разум и душа улетают далеко, не ставя меня

в известность, а это становится ясным лишь, когда они возвращаются, когда заканчиваются слова «собеседника». Как мой почерк превратился в непонятный ужас, когда я стала писать бессмысленные вещи, так и разум стал отключаться, защищаясь, когда я стала слушать вещи, опасные своим бессмыслием. Впрочем, еще есть много предисловий и причин болезни... жаль, но теперь я всё реже могу ее контролировать и поэтому забыла наше последнее лето, проведенное вместе, и это очень огорчает. Теперь я сосуществую с этим своим недостатком и отчаянно борюсь, когда это необходимо.

.....

Во дворе цвел месяц май. Что бы ни случилось, люди рождались и умирали, ведь время шло. Чем бы ни дышала я, время летело за горизонт, а я не могла угнаться за ним, нет, никак. В мечтах я бежала по светлому полю, Алиса рядом. В этом сне я знала, что с близкими все хорошо: их жизнь протекает под лозунгом «равновесие и счастье». В том сне мы воплотили свои идеи и стремления, стали большими людьми и не пострадали от этого. В этом сне мы... были живы.

Недавно, впервые в жизни, Алиса сказала, что мой вид печален и что она заметила это с первой секунды, как увидела мое лицо. Мне хотелось плакать от услышанного, ведь для меня это было равносильно словам: «В этот раз ты проиграла, дорогая, но будет и другая жизнь». В ответ я горячо накинулась на нее: «Никогда не говори мне такого! Это не так!

Что бы ни происходило, не говори! Со мной все отлично!». Алиса рассмеялась. Похоже, у нее та же печаль в груди.

По одну сторону трассы обрыв и море. Не замечала, что место, где я так часто бывала, настолько красиво и волшеб-но. Находка для творческих людей. И, этот момент, когда я здесь, словно из фильма. Вода такая спокойная и немного пугающая... как и ты. На горизонте видно, как растет цунами, но это лишь оптический обман... как и ты.

Алиса имеет дурную привычку переворачивать в моей жизни всё с ног на голову, особенно, когда я, казалось бы, достигла непоколебимой уверенности. Это так мучает, так все усложняет и толкает вперед, но я все же думаю: «Надо ли мне это? Движение вперед мучениями?», – ведь я имею право быть свободной в ночи. Стоять на обрыве и не бояться тебя, не сомневаться в тебе, любовь моя!

Алиса и ты – два противоположных полюса, но почему именно вы и почему разные полюса? В борьбе, кажущейся, вечной, я не могу найти ответов. Зачем вы оставляете меня между двух огней, если я нужна вам? Мне непонятно...

Лунная дорожка на черной воде напоминает мне о вас двоих, напоминает о жизни, о прекрасном мире, который, сколько не любуйся, мне всё равно не увидеть, тем более не запомнить. Я отвернусь, и пройдет мгновение, и все уви-денное станет забвением. Останется лишь страшно желан-ное счастье и грусть. Мне не излечить свою больную память.

Не знаю, что хуже – неведение или знание?

Прошло еще несколько недель. Я получала твои неизменные письма на бумаге и понимала, что мир слишком быстро катится к чертям.

Меня мучили сомнения, и душил мир вокруг – я не знала, что мне сделать, чтобы изменилась картина перед глазами. Осознание этой бездны сбивало с ног. Но зрение не дает мне покоя, лишь от этого я все еще дышу.

Я продолжаю наблюдать за людьми, что загораются и гаснут. Конечно, многое из того, что я делаю – против правил, но всем известно, что никаких правил никогда не было – о них говорят лишь те, кому они выгодны. Мы проживаем с тобой самую обычную жизнь, когда человек сходит с ума лишь от двух вещей – это мечта и любовь.

Сегодня так же продолжается лето. Для меня это самое загадочное время года – никогда не знаешь, что от него ожидать и, кажется, что тебя ждет фантастическое чудо! Но осенью я неизбежно переполнена сожалениями: лето никогда не оправдывает моих ожиданий.

– Глупо, но как легко утонуть в своем же «дерьме». Сны? Они там, а мы здесь. Мне надоело! Хочу жить сейчас, в данный момент!

– Слушай, давай я лучше тебе кое-что прочту, – обрывает меня Алиса по ту сторону мобильной связи. —

«Иди вперёд и будь спокоен,
И твёрдо знай, что ты непобедим!
Пусть говорят: «Один в поле не воин»,
Но с верою в душе ты не один!»

– Автор?

– Мне не он известен.

– Не стыдно не знать?

– И это ты мне говоришь? Ты, знающая лишь десяток авторов по чистой случайности! Неужели?!

– Ладно, ладно!

– И, кстати, я помню, все, что ты говоришь, в отличие от тебя!

– Вылечи в таком случае мой мозг!

– Ага, скорее свой сломаешь. Плюс ко всему, я процитирую тебе твои слова: «Мне все равно, вспомнят ли меня через десятки лет после смерти или нет. Плевать, будут ли знать автора книг и рассказов, которые прочли, даже если они мои. Главное – помнят то, о чем читали, ощущают то, как, познанное ими на листах, помогло. В таком случае любой писатель и поэт будет жить вечно в сердцах людей и в их поступках».

– И к чему это все сейчас?

– Ох, какое ребячество...

Видит Всевышний, мы должны быть сильнее. Не знаю, что мы здесь и зачем, но есть глаза и сердце, а с ними нужно что-

то делать, например, баловать и утомлять. Увязнуть в житейских проблемах – не проблема, проблема – остаться человеком, решая их. Меня заставляют смотреть, как в них тонут мои родные, в то время как мне совсем ничего не понять. Думаю, весь ход событий вынуждает человека делать то, чего он, до смерти усталый, до этого критического момента никогда бы и не сделал. Он никогда бы не воровал, никогда не убивал, не продавал бы себя. Но всё это, поверь, окажется последним, что ты сотворишь при жизни. Дальше – мертвая тишина. Не опускайся, будь сильнее. Из любой ситуации есть выход лишь при одном условии – пока ты жив. Живи, чтобы опровергнуть все аксиомы, разрушить все стены, «радовать» врагов. Скажи ты последнее Алисе, думаю, она бы ответила: «Зачем? Просто живи!», – и в этом есть смысл.

«Раньше ты говорила о многом. Рассуждала о совершенно разном. А сейчас ты постоянно твердишь мне „Свет, свет“. Не скажу, что это плохо, но ты просто ударилась в религию!» Это твое письмо мне никак не забыть. Плакать ли мне после него или радоваться: свет для меня – победа это либо поражение, еще более близкое воссоединение с тобою либо отдаление... не знаю.

Люблю, когда спонтанно исполняются давние желания. Как сейчас... Я последовала зову природы. Со мною рядом был верный друг. Этот человек горит в огне, и моя рука горит вместе с ним. Папа был прав, сказав, что какими бы не были те люди, которые сейчас близки мне, они будут со мной всю

жизнь. Сейчас я стала это осознавать и мне стыдно, что моя сущность была так черства и цинична.

– Хорошо, если бы получилось с работой, – сказала она. – Я уже представляю, как мы вместе будем ездить на работу.

Мы поднимались в гору всего около 10 минут, но я уже успела усомниться в верности зова природы и, захотелось отмахнуться от мысли «дойти до вершины», словно от назойливой мухи. Меня смешит моя немощность.

– Да, неплохо, – выдохнув, согласилась я.

Подруга поднималась, не зная усталости, болезненно кашляя. Она подхватила простуду на работе и пошла со мною в горы, от того что: «Ты же убьешь меня, если не пойду». Так выражался ее бессмысленный страх передо мной. Иногда мне грустно от того, что я не стою столько, сколько эта девушка на меня ставит. Мне казалось, что-то сейчас с грохотом рухнет на мою голову: сказка из Эмирии, брат из «Космоса» или еще что-то запредельное... ветер был так силен и добродушен, что мне хотелось улететь с ним. Скажу вам, на вершине слишком красиво, чтобы это было реальностью.

Как все обычно делают, оставаясь наедине с другом (хотя и посреди города такое тоже случается), мы стали орать любимые песни и сходить с ума. Это было замечательно! Я вспоминала много событий и поступков из прошлого, когда мы поступали так же безрассудно

Уже упало солнце за горы, и закончился день, но песни в плейлисте – никак нет. В самый неожиданный мо-

мент из темноты появились два неуверенных силуэта, но они храбро приближались именно к нам. Мы выключили музыку, я ждала увлекательного представления.

Было жутко любопытно: вокруг не должно было быть ни одной живой души, тем более такой, которая хотела бы наладить с нами контакт. Когда они подошли ближе, то стало ясно, что перед нами две девочки – туристки, которые, похоже, своей же тени боятся.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответила я, осматривая их с ног до головы, словно собиралась купить.

– А вы откуда пришли? – спросила одна, а ее руки тем временем робко перебирались с головы на талию.

Вторая, которая в очках, казалось, почти ничего не видела из-за проблем со зрением, от чего была более робкой и молчаливой. Она все не могла оставить в покое свой светлый шелковый шарф на шее, который запутался в белокурых кудрях. Я следила за ее худыми руками, переводя взгляд с одной странницы на другую, ожидая: «когда же появится сама опасность?»

– Мы из параллельной вселенной!

– Мы местные, – добавила моя подруга, испепелив меня взглядом.

– Так местные или нет? – переспросила темненькая.

– Нет, мы из Эмирии! – я не сдамся просто так.

– Откуда?

– Да здешние мы! Из поселка! – снова вмешалась моя любезная подруга. – Не слушайте ее!

– Ага... – протянули они в ответ, выпучив глаза. – Ну, мы пойдем. Пришли проверить, кто тут еще, кроме нас гуляет по горам так поздно

– Ага. Пока, – выдавила я. Как только они отошли на пару метров, поток моей речи не был в силах остановить уже никто.

– Странные какие-то. Ночь на дворе. Мало того, что они в чужой местности не боятся бродить по горам вдвоем в такое время, так еще и подошли к нам сами, чтобы спросить кто мы. Очень интересные дети пошли нынче. А ты чего?! Не могла мне подыграть?! – я треснула ее по плечу. – Эй! Представь, как бы это интересно закончилось! Я бы сказала, что я Туна! Ха-ха! Спросили б, читали ли они «Первую Секунду». Прелесть какая – на ровном месте реклама! Эх, ты!

– Да не собираюсь я поддерживать тебя в этом сумасшествии! И каким образом они должны были ее прочесть, если ты книгу все еще не издала?!

– Что значит, не собираешься?! Я тебе дам! – я набросилась на нее с кулаками. Она сжалась так, будто сейчас будет очень больно, но ведь у меня легкая рука!

– Вот я бы Туной вдруг стала. А ты кем хотела бы быть?

– Я? Я Алэн. Во! Точно! Надо было сказать, что я Алэн, – сказала она, изображая досаду. – «А прекраснейших медовиков не изволите? Мой папа ненормальный, но он сказал,

что мы подружимся»!

– Все не так! Не порть мне малину! Ты просто ужасный читатель!

– Ха-ха! Слушай, оставь мне автограф. На будущее, когда его будет нереально достать. Как самому верному читателю, а? Потом продам его.

– Для тебя будет реально. Будешь вип-место занимать на презентации книги, и мой автограф тебе будет ни к чему.

– Ого. Круто, – удивилась она, будто и вправду поверила в этот бред.

– «И Алиса. Будет слишком близко. За конференц-столом будет не много стульев. Шесть». Эмирия – это сказка наяву. Она существует лишь для тех, кто видит, кто верит. Подними голову, и за облаками создает чудо королева, там же Неистовая пятерка, но там же нет Туны – мои братья потеряли меня...

– Ты сейчас серьезно?

Я увидела испуганные глаза и улыбнулась:

– Какая ты наивная...

Онни, говорят, что мечты обязательно сбываются. Говорят, что есть такое вечное счастье, которое незыблемо. Случится ли так с нами? Случилось ли? Ведь я живу далеко не там, где нахожусь. Я живу далеко отсюда. Возможно, и не в этом мире. Возможно, это так и есть, ведь мир сновидений и мечтаний – он другой, он не обозначен территорией.

Поэтому я не знаю, где его искать и как к нему прийти. Я лишь живу там, и иногда ко мне приходят гости.

– Алло.

– Да. Привет, Алиса.

– Как ты?

– Нормально. Когда приезжаешь?

– Двадцать седьмого.

– Двадцать седьмого в городе будешь или выезжаешь?

– В городе буду. А ты что?

– Тоже двадцать седьмого освобождаюсь.

– Тогда вместе поедem домой! – обрадовалась она.

– Да. Вместе.

– Знаешь. Я снова подала заявку в модельное агентство.

– О! И как?

– Не знаю. Наверное, никак. Я не чувствую себя хорошей моделью. Вообще, не считаю себя моделью. Нужно продолжать худеть и, наконец, всерьез заняться спортом. По параметрам я подхожу только ростом.

– Ты худая! – разнервничалась я. Ведь в сотый раз повторяю очевидные вещи:

– И красивая.

– Модель не должна быть красивой. Она должна быть особенной. И не худая я, вовсе. По крайней мере, для модели, нет. И шрам... я должна быть просто невероятно особенной, чтобы на это закрывали глаза.

– Есть и другой вариант. Он, я бы сказала, фундаментальный – это сделать шрам трендом.

– Решила сделать из меня Гарри Потера? – рассмеялась она.

– Нет. Я ничего не решала. Касательно твоей жизни, ты все решаешь сама.

– Да.

Все, о чем ты думаешь, что познаешь, где бываешь – все это, как никогда реально. Во Вселенной не может не существовать того, что ты смог себе вообразить. Мы не способны думать о том, чего нет; все, что прилетает в наши головы – эхо космоса. Однако в нашу жизнь часто вмешивается ложь маленьких существ, недоверие и безверие, а это, как правило, ничем хорошим не заканчивается и больно ранит. Поэтому нам легче опровергнуть, списать под логотипом «бред», «ошибочно», дабы больше не болеть. Но кто знал, что эти логотипы – самая большая иллюзия, которую только можно придумать и обмануть слабость утешением.

Эй, человек, если ты собираешься жить, то знай, что чем больше ты будешь узнавать нового, тем более простым должно быть постигнутое.

Мы с тобой живем в грозу, во времена сложных перемен. Казалось бы, эти времена всегда сопровождали нашу историю, но я слышу отголоски этой истории о том, что 21 век

круто изменит жизнь на Земле, а может и во всей Вселенной.

Знания, которые передавались из поколения в поколение тысячелетиями, стараются сегодня впихнуть в мозг каждому новорожденному человеку, не учитывая одну маленькую деталь – эти дети не такие, какими были вы – они уже рождаются умнее вас. Должно быть, это именно то «*déjà vu*», о котором мне Алиса говорила. Должно быть, эти знания они помнят из других человеческих жизней и теперь, в сегодняшней новой жизни, им не интересно снова это изучать. Они на уровне подсознания помнят то, о чем уже потенциально знают. Сегодня ребенку интересно совсем иное, но пока не каждому, конечно.

То, что известно всем станет не интересным. Не интересным станет то, что можно прочитав, вспомнить. Изменяться ценности и современному человеку, которому смертельно не хватает обычного домашнего тепла, где бы его дом ни был, не будет дорога еда и то, о чем говорят миллионы. Они пойдут туда, где не была ни одна человеческая душа, они полетят за тем новым, что не знал еще никто из людей.

Хотя каждый день на Земле человек делает, по крайней мере, одно открытие, мы обретаем что-то совершенно иное, то, что даст название и начало новой эре невиданных грез. И это будет удивительное путешествие. Не знаю, куда оно всех нас приведет, но выбора нет – нам нужно продолжать идти.

– Что бы ты хотела сделать последним в своей жизни? –

спросила Алиса.

– То, что делала всегда: глубоко вдохнуть.

Мне интересно, откуда мы такие беремся, что не можем найти подобных себе или даже немного понятных нам. Мне интересно, как мы оказываемся в таком мире, где всё противоречит нашей сути. Можно предположить, что нас нет. Однако мы есть. Тогда откуда мы беремся такие, что умираем на чужбине?

Я абсолютно другая. Думаю, порой я слишком мягка. Боюсь, существует день, в котором мои принципы не дадут мне выжить в этом ужасно людном мире, а ведь я им не изменю. Не замечая, ты переворачиваешь мою жизнь вверх дном, когда просто задаешь очередной вопрос или говоришь «нет». Я сама никогда не ожидаю подобного действия и не подозреваю, что так ведома тобой.

Будучи одиночкой, ты можешь не знать «что» ранит человека глубоко верящего своей второй половинке. Однажды, я, убеждая тебя в истинности веры, потерпела поражение всего от нескольких слов: «Ты уверена, что это именно он? И, кроме того, я никогда его в глаза не видела! Ты прячешь его, не хочешь знакомить со мной? Подожди, он вообще существует?». Будучи запутанной временем до смерти, ты, не осознавая, кинула меня в бездну. Я раньше считала, что не существует ситуаций и слов, которые способны раздавить мою

веру в него, но я так грубо ошиблась, я была слишком спокойна и уверена, а, следовательно, уязвима...

Как это случилось, что я потеряла его? Я не знаю. Кто в этом виноват – мне не определить. Я потеряла его из виду... раз и навсегда.

Так случается, что мир рушится, когда, казалось бы, он в твоей власти, в твоих руках; так случается, что этот твой мир рушится прямо в твоих же ладонях, словно это ты его и убиваешь.

Теперь, когда ты говоришь, что я похожа на волчицу, которая оберегает свое потомство, я задумываюсь над очень многими вопросами, о которых лучше бы помалкивать, поэтому... не должны ли наши пути разойтись, Онни?

– Нашей неоспоримой целью становится лишь то, что в недостатке: будь это пустой кошелек, будь это безответная любовь, будь это скучная, без боли, жизнь, и мы обязательно все это настигнем; будем идти, пока, в конце концов, сами себя не погубим. Мы весь этот недостаток восполним с избытком, а потом нам это надоест, наскучит, но окажется, что время прошло, окажется, что неудовлетворенность все равно осталась. А затем... наше сумасшествие выйдет за край. Вскоре от этого, возможно, мы умрем. Либо нас убьют то ли из-за безрассудности ко всем и всему, то ли о того, что нам не захочется больше оставаться в этом мире.

– Кто ты? – спросила я.

– В таком случае, почему ты слушала меня до конца?

– Потому, что я все еще способна слушать, возможно, слышать.

– Почему не ушла?

– Ты ведь мне не дал уйти!

– Проснись. Это твой сон.

И в этот момент меня из него выкинули. Кто был владельцем этого мужского голоса, я не могу вспомнить, но, мне кажется, он мне до боли знаком.

Я ошибалась в одном, Алиса. Оказалось, мы способны обращать внимание и на то, что нам не нужно, не полезно, не интересно.

В итоге, я с легкостью могу просто все это послать к чертям собачьим и решить, что все последние апокалиптические мысли не мои. Решено. Ну, а если подумать, есть ли мне что ответить этому голосу таинственного странника из моего сна?

Я написала очередное письмо на бумаге для сестры:

«Знаешь Алиса, в меня въелась страшная привычка играть фильмы наяву. Это порой меня так бесит. Я могу начать паясничать, делать вид, что замедлилось время, драматизировать на ровном месте и даже бессовестно притвориться больной в самый неподходящий момент – ведь все-таки перед моими глазами проходит настоящая жизнь, а не кинолента. Ты виновата. Ты эгоистка чистой воды. Да и я, кстати,

всем эгоистам эгоист! Так и знай! Ты и знаешь, считая, что все, как и ты, не любят показывать боль, обнародовать свои слабые места, ты игнорировала мои пороки и приступы. Но я хотела бы, чтобы ты о них иногда говорила прямо. Но этого не происходило никогда. Дабы не навредить, ты ошиблась в положении вещей и сделала неправильный выбор «лучшего и истинного пути моего выздоровления». Ты всегда, судя по себе, ошибаешься в способах помощи. Я стала играть в кино, выдавливать боль наружу, чтобы ты, наконец, заговорила о ней. Но чем больше ты молчала, тем больше я ненавидела себя.

Я потеряна в мире. Лица мелькают перед глазами, люди и их глаза, их выражение в музыке и одежде, а затем слова, слова, слова.... Ко всему на Земле нужно подходить с умом, ибо не просто так нам дана голова. Ты не узнаешь суть моих слов, пока не научишься лавировать между ними. Наша жизнь слишком скользкая, чтобы подчинятся правилам, а нам придется быть очень гибкими, чтобы достойно прожить подаренную человеческую жизнь. И если это конец – я не боюсь умереть, моя совесть чиста. Я не делаю того, о чем буду жалеть. Да, есть люди, на которых я испробовала свои ошибки, за это каждый раз плачу неприятными сюрпризами в свой адрес. И пусть, я это заслужила. Не знаю, что меня ждет, но я уверена – это будет мой выбор. Каждый из нас – единственная бравая автономия на Земле, пойми правильно. Я не обязана быть тобой, а ты – мной, но мы оба должны

твердо знать, что наша свобода заканчивается там, где начинаются чужие носы.

Деньги, боль, любовь... я знаю, как с ними справиться – не хранить с запасом.»

Мир, который я знала, рушится прямо у меня на глазах, а точнее я уже вижу руины. Мне страшно. Хватит терпеть эту боль.

Мои мысли крадут мелкие воришки – они не в состоянии познавать этот мир самостоятельно. Хотя мне не известно ничего о себе: не знаю, кто выше, кто ниже меня. Знаешь, я потерялась одна и мне не понять это странное время, может, это и, вправду, конец. Говорят, что людей, которые вот-вот покинут человеческий мир, видно по туманным глазам – они заранее становятся тенью. А я вижу нечто инородное в своих глазах, этот чужой делает из меня страшного зверя: не волка, а оборотня...

...Мне так странно, когда смертный человек берется отчетливо и резко говорить «да» или «нет» в ответ на чьи-то слова, когда он слишком много берёт на себя, утверждая: «Я в это не верю», «Ты не прав», «Так не бывает», «Все это чепуха». Мне так странно, мерзко... эти люди, лишённые ума, считают, что они бессмертны? Считают себя владыками неба? Раз ты так смел – докажи свои слова чудом!

Я закрыла тетрадь, погасила свет и легла. Недолго меня

мучили мысли – я стала засыпать, но вдруг моя кровать за-
тряслась. Что это?

Я открыла глаза, меня саму не трясло, значит, это точно
была кровать, возможно, землетрясение? Люстра и не ше-
лохнулась, на тумбочке все лежало мертвым грузом и тут ме-
ня словно ошпарило кипятком...

Пол стоял на месте, и это походило на фильм ужасов. Упа-
ла подушка и вот-вот за ней полетит одеяло.

– Выходи! – заорала она, глядя на двери. Я поняла, что
страх потери и страх перед существом за дверью сражались
во мне не на жизнь, а на смерть так, что искры летели из глаз
в отражении стекла.

Послышался топот, за дверью резко потемнело, и дверь
открыла мама:

– Что случилось? – ее испуг был не меньше. Появление
мамы показалось мне спасением.

Когда стоишь под ночным небом, создается иллюзия без-
молвного спокойствия, но мне кажется, кто-то ждет меня
там, кто-то смотрит из родного окна, или я схожу с ума?

Когда стоишь под ночным небом, создается иллюзия сча-
стья.

Когда стоишь под ночным небом, ты веришь, что ты – осо-
бенный. Так и есть. Наши возможности безграничны. Гово-

рят, что сегодня можно все.

– Остаться одному означает – свалиться с Марса на Землю. Я ведь не зеленого цвета и не с гигантскими глазами, значит – я нормальная.

– НОРМАЛЬНАЯ? – выпучила глаза она. – Нормальная, говоришь?! Зеленая, не зеленая, но ты одинока, а человек создан для того, чтобы быть с кем-то. Твоя жизнь – сплошное самодостаточное единение – вот это не нормально!

– Ой, идиотка. Ладно, я – пришелец. Что будешь делать? Она подумала, посмотрела на гору, видимо, вспомнила наше на нее восхождение, засунула руки в карманы и уже с меньшим энтузиазмом заявила:

– Да. Ничего не изменилось.

Я рассмеялась так громко, что ее мама выглянула из окна, чтобы удостовериться, что нас никто не убивает, а это был просто истерический смех, а не крик.

– Нет разницы, – продолжала она в том же духе, – знать, что ты с Марса или не знать – все равно такая же ненормальная, что и раньше, что и сейчас. Но, черт тебя побери! – вдруг заорала она так, что мама снова появилась в прозрачном стекле. – Это слишком интересно, чтобы перестать слушать твои бредни.

– Да, в последнее время я пишу много ненормальных вещей.

– О! – вытянула она лицо. Я предчувствовала гениальное

продолжение. – Только не говори, что прошлые работы были адекватными! Ой, не смей меня!

– А что?

– Нет, ну, посмотрите на нее, – фыркнула она. – Нет! Ты сама-то читала, что там? Реально, вместо тебя все это братья-инопланетяне едят? Или стой... под чем ты там была? Потому что уносит тебя не по-детски! – я все думала, откуда она всего этого набралась.

– М-да, в неправильном для тебя обществе ты легко будешь принят за того, кто рожден быть ими осужденным. А люди не имеют определения для меня. Возможно, я смогу постигнуть определение для «человека». Хотя слишком в этом сомневаюсь.

– Кто ж тебя знает... – это был откровенный сарказм.

– Да пошла ты.

Стрелы змеиных улыбок прицелились друг в друга.

И я действительно, оказалась самой болтливой в этом мире – я ничего не смогла. Прыгнуть в океан, в котором, знала, что утону, мозгов хватило, а сейчас именно тот момент, когда ты сделал шаг с крыши небоскреба в пустоту и лишь после того как уже полсекунды паришь – ты уже 40 раз пожалел об этой своей глупости. Ты оставил все свои мечты, все дорогие чувства позади, в чудесном мире, что гаснет прямо сейчас. Ты оставил все... ради чего и кого старался весь мир – ради тебя, дурака, все происходило, а ты, идиот, оста-

вил бОльшую часть себя так ничего и не поняв.

Вечер. Я знаю, что я дома. Лето. И сердце все болит одиноко. Я знаю, что передо мною сидит хорошо известный мне человек. Добрый, отданный полностью мне, глаза горят, а человек хочет спать, сильное сердце, неуверенный ритм, расслабленная поза на лавочке передо мной и я – один из не многих, кто это видел, вера в мечты и озадаченный взгляд ответом на тогдашние мои сигналы о жизни, но кто этот человек на самом деле? Я лишь помню, что...

– Ты та, которая хотела быть Ален?

– Естественно, я – Ален, – она манерно потянула последнее слово, что заставило засомневаться в ее ответе.

Я вижу, что взгляд слишком свободен и уверен сейчас, его владелец беззаботен лишь на три секунды.

– Почему ты спросила?

– А?

– Почему ты спросила?

– А... просто.

Теперь отвечала не я. Как и не я говорила с мамой, прежде чем оказаться в душе. Я проснулась, когда струя воды, кажись, вот-вот продолбила бы дыру в моей черепушке. О чем я говорю людям? Вопрос в том, кто говорит? Но я знаю, что даже если бы я была в себе, ответы мои не изменились бы и на слог.

Что происходит? Так... так ведь живут все люди,

не так ли?

А 19 лет – это много или мало? Это «еще» или «уже»? А вы верите цифрам? Думаю, я не имею права относиться столь критически к этому миру и людям, но какого черта я продолжаю это делать, мне все равно, и надеюсь, подобная глупость не станет причиной моей гибели.

– Ты кто?

Девушка улыбнулась, глядя в пол.

– Что? Как ты?

Я не могла выбрать подходящий ответ, ведь человек передо мной так и не назвался. Я молча наблюдала, как она моет руки и всё пыталась получить подсказку.

– Эй! Что, язык проглотила?

– Кто Вы?

– Что?

– Уф. Не смешно.

– Мама! – позвала я.

– Я тут.

Сзади появилась светлая женщина. Это моя мама, да. Но кто эта девушка? В нашем доме в последнее время много гостей.

– Кто это, мам?

– Это твоя сестра.

Лицо девушки вытянулось, и она уставилась на женщину. Мне показалось это странным.

Вдруг в голове, на белом полотне моего сознания появилось редкое явление, сродни воспоминаниям: «Что, если в один день, я приду к тебе, а ты мне: «Кто ты?», – пронеслись слова по мыслям. Нет, нет, это просто слова, а я не помню, о чем вы.

Не пытайся быть умнее жизни. Мечтой для меня оказалось то, что возникало внезапно в моей душе, когда феноменальные лица появлялись прямо передо мной. Всё исчезало, когда лица уходили прочь. Я не знала, что это. Мне было лишь известно, что я хочу этой планки достичь: каждое слово отточено жизнью, каждый звук врезается в лоб, от незнакомого и теплого того лица идет что-то мудрое и важное, что неустанно тянет меня. А что это? Что это за слова? Что в моей голове иногда – я не знаю, не помню о чем вы.

Не пытайтесь быть умнее жизни. Она сама отшлифует ваши слова, отрегулирует каждый вздох болью, научит зрению и слуху научит, остается лишь быть сильным всегда.

SOULS 2. Нас двое

Любить не запрещено, даже если болен, если ты умер, если ты последний идиот на этой планете – ты имеешь право любить. Я готова стать кем угодно ради тех, кому отдано сердце, я готова пережить все, только не заставляйте меня выбирать между любимыми.

– «Это не очень-то и вкусно, чтобы просить добавки, но вы суете мне эту гадость при каждом удобном случае».

– Вот, запей водой.

Я выполнила привычную процедуру, закинув под язык таблетки.

Мир в скользких светлых тонах туманился передо мною. Я мало что знала о нем. Мне предстояло осуществить грандиозную экспедицию, и я ждала этого словно маленький ребенок.

– Ты уверена, что хочешь пойти?

– Нужно найти тех, кто мне известен.

– Ты уже знаешь, кого должна найти?

Мое древо жизни казалось тяжелым грузом на груди. Я взяла кулон и силой нажала им на солнечное сплетение – свет большой энергии пронзал и горел во мне. Толстую цепь многие называли грубой, не понимая символики в великой силе сплетения, которое должно удерживать свет мира на моей шее. Единство древа и цепи было грандиозной системой и равно-

весиём жизни.

– Я знаю, что кто-то есть.

– Это легкомысленно.

Должна ли я учитывать мнение чужого человека?

– Документы готовы?

– Да. Завтра их заберут из посольства.

– Я уйду завтра. Не говори никому. Я сама скажу.

Мне повезло больше, чем тебе, друг. Я умею фильтровать людей, и вода вокруг меня остается чистой.

Друг, мне повезло больше, чем тебе, так как я тебя могу видеть, а ты меня – нет.

Меня заморозил сказочный вид заката, и я остолбенела. Должно быть, он последний для меня в этом месте. Это было так прекрасно, что в очередной раз достала телефон, чтобы пополнить свою тысячную коллекцию еще одной фотографией волшебства, совершенно четко осознавая, что ни один фотоаппарат мира не в состоянии передать то, как вижу я.

– Это... невозможно описать словами.

Я скучаю. Даже, если не знаешь моего лица, прошу, услышь меня. Моя память испепелила все воспоминания, которые сделали меня нездоровой, но знание о твоём существовании просочится сквозь все невзгоды, времена и даже жизни, они, в любом случае, достигнут меня, они, в любом случае, часть меня, лучшая часть.

За ужином я начала говорить первой.

– Я уезжаю. Во имя всего святого, примите это с чистой душой не преграждайте мне путь, поддержите меня, – слезы, пропавший аппетит, возмущения, немые протесты и я, среди пучины чуждых мне причин. – Я бесконечно благодарна за все, что вы для меня сделали. Моя жизнь давно потеряла контроль и вышла за грани всякой нормы, поэтому я часто говорю слова, что не понятны людям, они ранят, либо отталкивают и делают меня чужой для всех. Это мое бремя, которое дальше я понесу сама, а с вас достаточно... простите меня, я приняла это решение вместо вас.

Мои слова были обособлены прекрасным мнимым оправданием для меня. Никто не хотел меня отпускать, и это было правильным, но мне нужно двигаться дальше, что было неоспоримо. Давно уничтожив все улики, мне только сейчас сообщают, что я не первая, кто покинул дом, но никто понятия не имел, что я знаю обо всем этом лучше любого и без праха забытых улик.

– В эфире новости шоу-бизнеса. Стало известно, что модель Лилиен Мур с момента своего дебюта использовала псевдоним, и настоящее ее имя – Алиса, в чем призналась она в первом за несколько лет интервью. И это едва ли не единственное, что наверняка известно общественности о личной жизни звезды. Кто друзья, кто семья и даже ка-

кой страны у нее паспорт не известно ни одному журналисту на Земле. Значит ей, действительно, есть, что скрывать! И всем нам, безусловно, интересно, какие скелеты спрятаны в шкафу Алисы! Первыми узнаете именно вы, наши телезрители! А последней работой топ-модели была нашумевшая откровенная фотосессия для глянца... вульгарная телеведущая шоу действовала мне на нервы своей тупой рожей и жестикуляцией больной женщины.

На экран посыпались фотомодели. Она снималась практически обнаженной, выставляя напоказ вытянутый шрам на груди, наличие тату дерева на сердце. Каждый раз, когда я его вижу, меня терзают смутные подозрения. Кроме этого, другие тату красовались на ее идеальном теле в виде надписей, иероглифов; «эта девица вечно в образе», – думала я: то длинные, то короткие волосы, яркий макияж, либо его полное отсутствие, бессчетное количество пирсингов на теле, ветер и свобода в ее голове, страсть и не знание границ. Она действительно одна в этом мире. А так же, эта незнакомка носит мое имя... люди рядом с ней появлялись и исчезали, я их словно знала, а ее – нет, никогда. Понятия не имею, как к ней относиться, но хорошо осознаю, что всегда разговариваю с ней в голове.

Я считаю, что каждый из нас связан кармически с душами людей, которые являются нашим отражением, братом, врагом, любовью, спасением или смертью. Теперь, когда мой

мозг избавился от всего лишнего, и я осталась одна, я вижу лишь одну цель, смысл жизни и энергию, что заставляет вращаться планеты. Я вижу многих, связанных со мною людей либо в мониторе, либо во сне, либо их тени мне мерещатся, а лица отражаются в лицах других людей. Я узнала некоторых и поэтому мне нужно идти. Идти за ними.

– Дочка. Ты уверена, что готова?

Мы стояли на дороге около дома. Сплетения рук и объятия. Из моего – только рюкзак за спиной, мама снарядила меня всем необходимым на первое время, однако, на самом деле, в нем было даже больше, чем могло пригодиться за всю жизнь. Мне было больно.

– Готова. И я вернусь. Мама. Успокойтесь.

Большая семья провожала меня, словно в последний путь.

– Куда ты едешь? – спросил папа и скрестил руки на груди.

Он держался молодцом.

– Не знаю. Куда направит ветер, – каждый мой шаг назад стучал отсчетом для чего-то либо кого-то. Я не была уверена, что достигну цели. На этот случай для семьи я оставила деньги, которые анонимный адресант перечислял на мой счет, и за все это время оттуда не было снято ни копейки по решению родителей. – Я вернусь с победой, пап.

– Я не сомневаюсь, – ответил он, грустно улыбаясь.

Сто шагов и я оборачиваюсь. Я должна запомнить, где мой дом. Я не должна этого забыть. Снова поворачиваюсь и,

в знак бесконечной благодарности, кланяюсь семье. «Спасибо, что смогли отпустить меня».

– Спасибо... – прошептала вслух. Это последний раз, когда я вижу эту картину?

– Тебе 24. Возвращайся с мужем, – сказал отец, уверенный, что я не услышу.

Что бы ни происходило с ребенком, желания родителей не меняются. Я вспомню, каждую мелочь о себе, своей жизни и придет время, расскажу им лично.

Меня ждал автобус и долгая извилистая дорога по горам. В пути, от нечего делать, я достала документы и стала их листать. «Лиалиен» – новое имя, данное 6 лет назад. Кто-то называл меня «психопатка», «странная», а таких целая свора чужаков. Может, стоило написать так же в паспорте?

Уже в очереди к кассе ж/д меня мучил вопрос, услышала ли судьба мое сообщение? Нет смысла бегать за моей целью по всему миру – я просто назначила встречу.

– В ####, ближайший, – уверенно назвала я кассиру первый город, который попался мне на глаза, когда я посмотрела на табло расписания отбывающих поездов.

И первый мой пункт назначения был расстоянием в 800 км. Должна ли я волноваться о том, что не знаю дороги? «Иди за толпой, – ответил голос изнутри, – единственное, что не подведет тебя в сборище люда – это их стадный образ передвижения».

Вагон №14. Я стою с краю и наблюдаю за высоким парнем, следуя совету. Он дал документы и билет, смотрел в глаза мужчине в форме, скрестил руки на груди, засветил свою фигуру в форме вопросительного знака, мне показалось, что ему тяжело жить таким высоким. И другой вопрос: откуда столько пафоса, господа?

– Здравствуйте, – поздоровалась я с проводником. Он ответил на приветствие.

– Место 24, проходите.

– Спасибо.

Таинственная обстановка, разные люди, грязные запахи и мысли. Я чувствую себя ребенком, который впервые без сопровождения мамы отправился в школу: все то же самое, но я прохожу по улице одна. Что мне покажет #####? Мой нрав дворовой псины всегда на стороже и я всматривалась в окружающих. Чего мне ожидать от них? Дураки в месте, где я жила, были иными: простыми и предсказуемыми. Эти же – пока новы для меня, определения для них еще не выросло. Я знаю, что первое мое впечатление всегда верно, но дам-ка я сама себе шанс.

Старый вагон тронулся, но мои предпочтения в мыслях не изменились. Спустя час они мне надоели – люди вокруг такие же дураки, как и в том месте, где я жила, хотя искр жизни тут витает порядком меньше. Шанс вылетел в закрытое окно.

Полтора часа добрый престарелый мужчина рекламиро-

вал мне своего сына, у которого, по его словам, было семь пядей во лбу. Это был мотивирующий рассказ, однако меня он ни на что так и не вдохновил, не то, чтобы сам оратор... его губы сужались от степени приязни к своим словам и воспоминаниям, нравственный взгляд становился то блестящим, то злым – он плывал во времени, и просто был где-то там, но не здесь со мною, ему было интересно не поделиться с миром своим прошлым, а побывать в нем снова. Его жена мирно спала рядом, и я чувствовала, как она сливается с его бесконечными разговорами – она знала о них уже сто тысяч раз. Эти двое – одно целое и в этом самое большое чудо людей, а может быть времени, а может быть и того и другого.

– Ну, поднимайтесь. Наверное, хотите спать. Уже восемь.

– «Так рано нужно ложиться спать?» О, хорошо, – я забеспокоилась о том, что сижу ведь на его спальном месте; скорее всего, он выдал свое желание за мое. – Спасибо! – за что, не пойму.

– Да, не за что. Спокойной ночи.

– И Вам.

Однако сна ни в одном глазу. Наушники меня спасут. Музыка – прекрасный фон моего существования. Мне нравится чувство, будто я уже слышала все песни – этот плейлист из забытого прошлого, а музыка помнит меня, и я слышу это, слышу ту себя...

...помню какие-то дома. Я там жила? Или буду. Из прошлого всплывает алый свет заката, родители и возвращение

из долгой поездки. Память – странная штука, я не могу ее понять: если больше не стараться запомнить момент, вспоминаешь события, о существовании которых даже и не подозревал. Еще помню одну зиму... пиццерия в городе, большое окно в пол, за ним идут снег и мой добрый собеседник, потрепанные сапоги, серый свитер, но сейчас не знаю его, и сильные наивные мечты, которые должны стать и будут явью. Я так молода, и в том мрачном состоянии чиста, что за удивление? Воспоминание – занимательная вещь, ведь там я снова живу и понимаю, что жила даже когда считала себя мертвой. Неужели я обретаю свой дом? А там будут мои собаки?.. Я засыпаю...

...на моей кровати спит молодой человек в черном. Я чувствую себя так, словно знаю его и более того, будто в этом сне я знаю только его. По незнанию я делаю то, что ему не нравится – бужу. «Проснись!» – мои пальцы на его щеке. «Что?!» – он резко открывает глаза и недоволен представшей картиной, ведь в ней всего лишь я. Он вытаскивает оружие из-под подушки и целится в меня. «Успокойся! Остановись. Очнись, это я. Я останусь тут, с тобой. Ну же!». В моей руке тоже пистолет, но я не хочу его использовать, приди в себя, парень. Слова истины вредят ему не меньше, чем ложь, в которой он жил. «Мы умрем вместе, раз ты здесь!» – он снова видит мою голову в прицеле. Мы оказываемся в другой комнате. Мои разорванные оковы лежат в старой ванной комнате на полу, напротив стул и на него я кладу свое ору-

жие в добрый знак. Парень рядом, согнувшись как мученик, прикован к стене цепями, он все еще жив. «Будь сильным».

...«...на кого падет твой выбор?! Семья?! Или ты сама?! Кого ты выбираешь?! Мать или отца?!» Дьявол в человеческом лице за стеклом изрыгает на меня роковые слова приговора. Я на арене, как зверь, на клочке земли, а внизу раскаленная лава, другие люди за стеклом, как зрители в цирке, ждут, когда кто-нибудь умрет ради их забавы. Я схожу с ума от знания того, что мой ответ ничего не значит: они заставят смотреть на смерть моей семьи. Я думаю лишь о том, как их спасти; если я выберу маму, упадет в лаву она или папа? Если я выберу себя, упадут оба или кто-то один? Как и кого спасти? Нет времени и я кричу: «Семья!». Все падают в лаву... а я смотрю. Оскал дьявола выносит окончательный приговор: «Упс! Ответ не верный. Ты убила их».

– У вас кровь! Кровь! Встаньте! Проснитесь, прошу вас!

Меня трясет, я задираю голову, чтобы перестала хлестать кровь из носа, она попала в глаза, вау, теперь я знаю, что выгляжу, как оборотень. Или вампир. Скорее второе. Ой, нет, нет, нет! Только не теряй сознание! Какого черта...

– Через полчаса прибудем к #####. Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Спасибо, – я вытащила тампон из носа. – Простите, я залила вашу постель кровью.

– Это абсолютно не важно. Белье можно поменять. Главное, чтобы с вами такого больше не повторилось.

– Конечно, не повторится, – улыбнулась я. Какая прекрасная ложь!

Выражение лица жены красноречивого соседа, сидящей напротив, точно характеризовало мой внешний вид: она уже так минут сорок сидит, выпучив на меня глаза; иногда она отводила взгляд, вытягивая лицо, на тот случай, если я вдруг посмотрю на нее.

– Вас кто-то встретит на вокзале?

– Нет, – посмотрела я в пол, думая о грусти.

– Может вас провести? Куда вам нужно?

– Нет, спасибо. Давайте забудем о моем кратковременном недомогании. Оно, действительно, кратковременное. Всё уже прошло, поверьте.

Судить по себе – большая ошибка, но отныне я никогда не верю послесловию «поверьте».

«Те взрывы воспоминаний единичных и неповторимых, вроде дежавю, являются моими воспоминаниями с другой планеты, это то, как видят инопланетяне человека и его жизнь. Теперь я знаю, почему это так ярко. Почему это говорило мне, на Земле, о космосе» – запись из дневника Ли-лиен.

Боже, какой запредельный полет фантазий. Это выдержка из моего дневника, в котором уже все слова для меня чужие. Почему я говорила об инопланетянах? И как мы с ними мо-

жем быть связаны? Эти вопросы не для этого города.

Я спрятала потрепанный ежедневник обратно в сумку.

– Почему именно ты не права? Кто сказал, что он прав?

Подумай еще раз.

Мимолетный разговор прохожих привел меня в чувства – я сидела на бордюре неработающего фонтана. Площадь была людной. Дул ветер, мне казалось, что мороз почти овладел мною. Не переношу холод. Я резко встала и пошла. Куда? Не знаю.

Ноги уже отваливались от долгой ходьбы и холода. Я обнаружила магазин одежды. Кто ж знал, что это брендовый бутик. Перед входом висела вывеска, на ней знакомое лицо. Алиса. Снова полуголая, зато в мехах. Для кого эта мода? Разве, что для таких, как она. Каких «таких», еще не определено.

Я открыла дверь. Меня встретил неприветливый охранник.

– Вам нельзя.

– Что значит нельзя?

Он не проронил больше и слова.

Я вышла.

Иду дальше. Открываю соседнюю дверь. Мои помыслы были невинны, я лишь искала тепла, однако за дверью ждал грубый ответ, хотя нечто новенькое тут всё же было: меня собственноручно выперли за дверь.

Я не понимала, что происходит и просто мерзла даль-

ше, размышляя: что со мной не так? Чего ждали работники от клиентов? Ох, подождите, видимо, я не вхожу в категорию их потенциальных клиентов. Может, я похожа на преступника? Ведь и не кашляю кровью. Я остановилась, посмотрела на себя, посмотрела на окружающих – мое тело не отличалось от их тел. Руки, ноги, голова, может, они догадались, что мой дом не Земля, что они не братья и не сестры мне? Как?! Нет, они не могли. Мне не понять людей. Им не нужна причина, чтоб выбросить тебя на улицу, как неживую тряпку. Я стою на месте, начался снег. Север давал о себе знать все сильнее. Мне нравится снег, но людям? Никто из них и не улыбался. Меня сбил с ног здоровый мужчина лет сорока. Разве он не видел, куда шел? Даже не обернулся. Вдруг сильная рука с легкостью подняла меня.

– Не ушиблись?

– Впервые вижу снег не на картинке.

– Вы приезжая?

– Почему мне нельзя купить одежду?

– В смысле? Вы хотели ее здесь купить? – парень ткнул пальцем в ряд закрытых для меня дверей.

– Да.

Он улыбнулся.

– Эти магазины не для простых смертных.

– Простите? Простых смертных?

– Это бутики Лилиен Мур. Только для тех, кто находится на вершине пищевой цепи.

– Разве «простых смертных» кто-то ест?

– Ваш внешний вид не соответствует подобным местам, – объяснил он.

Ах, вот как.

Я открываю ближайшую дверь, смотря в глаза самозванке Лилиен Мур.

– Пошел вон! – как так вышло, но охранник был уже на полу и сам от этого в шоке.

Тут же появился главный администратор в виде худощавой стервы:

– Выйдете из помещения, – заявила она.

– Имя.

– Выйд...

– Твоё имя! Не зли меня!

Живая швабра осознала всю скудность своего положения под моим взглядом и пустила в оборот, так называемый, свой главный козырь.

– Я вызову полицию.

– Вызови, – ее глаза стали больше, чем талия.

– Меня зовут Наташа.

– Отлично. Наташа, заверни мне все это шмотье.

– Что?!

– Я сказала, заверни все. Только прикоснись, – пригрозила я и охранник забрал обратно свой шаг вперед.

– Как будете оплачивать? – выдавила она ехидную улыбку.

– Наличными, – я высыпала из сумки пачки банкнот, –

достаточно? Либо такому простому смертному, как я, оплатить все кредиткой? – я показала черную кредитную карту.

По мере знакомства с человеческим миром, моя мозаика становится все интереснее и абсурднее. Испугавшись, что я какая-нибудь неизвестная дочь президента или нефтяного магната, они стали чуть ли не облизывать мне ноги. Эти деньги и карта – часть перечисленных средств на мой счет от неизвестной заграничной личности; конверт с картой пришел под грифом на неясном языке, без обратного адреса. Конечно, сомневаюсь, что подобная «посылочка», действительно была принесена государственным работником почты. Мне было все равно, чьи это деньги, было странно – зачем они мне? Сейчас они – средство для преподачи урока. Вся купленная одежда полетела в мусорный бак – бездомным людям сейчас вещи очень пригодятся. Рынок – это то место, которое оказалось удобным, для таких, как я, «простых смертных» – я купила себе куртку и сапоги, пару штанов, чтобы более не мерзнуть. Мой багаж увеличился, и поэтому я выкинула свою легкую одежду.

В тот же вечер витрина одного из магазинов бытовой и цифровой техники, мимо которого я случайно проходила, пестрила моим лицом, а точнее моими прославившимися выходками. Многочисленные плазменные телевизоры показывали одно и то же, из колонок шум разносился по всей округе: «Антифанатка Лилиен Мур избавилась от одежды из новой зимней коллекции супермодели в одно мгновение.

Неизвестная владеет искусством ведения боя и, обезвредив охрану магазина, она заявила, что «покупает все». Личность клиентки установлена – это ### ## из южного #####, которая шесть лет назад отмотала свой срок в психиатрической больнице. Полиция не считает данные действия противозаконными, т.к. «после оплаты одежда становится собственностью покупателя и он имеет право «подарить ее бездомным людям». Владелица одной из самой прибыльной торговой сети брендовой одежды и аксессуаров, Лилиен Мур, как всегда, не дает прессе никаких комментариев. Однако фан-клуб модели считает, что ответные действия их кумира могут быть еще более громогласными и непредсказуемыми. С вами была Ирина Морозова и первый телеканал страны – ###. Не переключайтесь!».

– И ноги моей не было в психиатрической больнице, идиоты, – пробормотала я и только сейчас обратила внимание на людей вокруг, которые фотографировали меня, ахали и охали. А видео «с места преступления» наверняка предоставил мой спаситель, прохожий парень. Удачливый оказался.

Ночь в гостинице. Я выбрала номер на последнем этаже. Люди узнавали меня на улицах, дорогой номер, стеклянная стена была окном, что открывала прекрасный вид на чернящую ночью, искрящуюся огнями столицу. Бывала ли я раньше в подобном месте? Мне кажется, я знаю этот момент.

Снова открываю дневник и в сотый раз перечитываю:

«День без сна

Я помню мир, что под ногами лег.

Я в мегаполисе была одна.

Звезды падали мне в руки,

Моя сила была размером с города.

Я была титаном, небом и землей,

Когда неизмеримыми шагами шла за неведомым тобой.

Я была магом и просто богом всех богов,

Наказывая обидчиков простых людей, моя любовь.

Но стояла ночь, и в том сне ею был никто иной, как я.

Теперь я помню и те звезды, и небоскребы свысока.

Сбылись мечты и ночь сейчас одна.

Звезды людьми падают в мои сны,

Ночь спрячет их от добра и зла.

Квартира пуста, а я помню себя титаном».

Похоже, этот стих писался о данном моменте. Что произошло тогда? Кем я была? И данный момент – не сон ли из прошлого? Я снова проживаю его, либо этот потолок видит меня здесь впервые. Тайна, покрытая мраком, боязно открывать занавес, но билет в цирк уже куплен, все места заняты, и дверь закрыта с той стороны. Откроется занавес, рассыплются стены, и, может быть, я снова исчезну с глаз общества на долгое время, а может, одержу победу. Этот цирк... я собираюсь сжечь его. Со зверями либо без них, но больше не должно быть лавы во рту.

Квартира пуста, а я помню себя титаном...

«Ничего более бесполезного я в жизни своей не делала, и разве может таким образом проходить моя жизнь? Как она должна протекать, чтобы я чувствовала правильность моей дороги? Мой почерк превратился в сущий ад, когда я стала писать бесполезные вещи, но теперь, когда я выросла, я вижу эту бесполезность с такой простотой, безо всяких усилий что мне некуда бежать – она везде. Как люди так живут? Все наше бытие – мистика и чушь. Я не вижу смысла, я не вижу жизни, как ни смотри».

«Я хочу жить дома. Мало или много, больно или нет. Я хочу видеть семью. Лучшее моих родных стен нет ничего в этом мире. Разве, что объятия отца. Я скучаю. Да. Знаешь, папа, как мне больно без тебя, без мамы, в городе чужом? Я бы хотела родиться, папа, в добром мире, в твоей семье, где детям не нужно покидать отчий дом, где родители живут вечно. Я мечтаю об этом рае. Я часто плачу по нему, о том рае, где я каждый час и миг вижу тебя. Папа».

Сколько личностей жило внутри этой девушки? Она то умирает во тьме, то бежит по жизни, как луч солнечного света. Наверняка, это было слишком тяжело. Я слышала, что ее превосходство над головами ровесников было явно для всех,

кроме нее самой.

Однажды в наш дом пришла девушка с большими глазами, ее рыжая грива напоминала молодого льва. Это был пик моей потерянности. Я спросила, кем она была для меня, но ответ последовал на иной, немой ее вопрос: «Ничего не изменилось». Она целый день рассказывала о девушке с давно забытым именем, которую отлично знала. Не знаю зачем, в моем-то положении, но сердце проверяло ее слова на детекторе лжи.

– Я помню, когда ты зашла в наш первый класс. Ты пришла только на третий день учебы, и дети обусловили твое опоздание тем, что «она ехала с другой далекой страны». Сейчас смешно, но тогда все сказали, что ты «другая». Я помню, Маугли, который был зол на весь мир, почему он такой и почему он должен оставаться здесь. Сейчас я думаю о тебе, как о ребенке, прибывшем с другой планеты. Ты была изгоем с сильным протестующим характером, не волновалась о проблеме, что дети часто устраивали по твою душу «темные», ведь пыл «девочки с другой страны» не собирался мириться ни с одним из раздражителей извне. Я тоже была среди них, «извне». Дура. Я была на много слабее тебя, повторяла за стадом, и в глубине души, не понимала, почему мы поступаем таким образом с тобою. Потом случилось так, что мы пересеклись с тобою наедине один раз, второй... мне больше хотелось общаться с тобою, чем со стадом. Рядом с тобой я становилась самой собою, и это было так но-

во. Шло время, мы выросли, и я была уже на твоей стороне. Не представляешь, насколько ты была чокнутой, в хорошем смысле слова, – улыбалась девушка. Ее наворачивающиеся слезы на глаза показались мне чужими, как она. – Я скучаю, Лилиен. И я не хочу больше говорить о тебе в прошедшем времени. Как я сказала, ты остаешься такой же чокнутой, ничего не изменилось.

Я думаю, и даже уверена, что этот рассказ из детства я слышала уже не в первый раз, но каждый из сеансов был для меня новым. Проверить сейчас слова львицы пока не реально, но в дневнике написано «я помню прошлое кусочками киноленты, словно ее пытались сжечь», и там было кое-что о детстве:

«Странно, почему я не помню ни свои шесть, семь, двенадцать, ни даже свои шестнадцать лет я очень плохо помню. Эти годы закрыты от меня или я закрыла их сама? Во вред это или во благо? Любой из перечисленных вариантов ответов влечет за собою миллион иных вопросов, и все они черные».

«Мне не о чем с вами говорить. Мне не хочется с вами говорить. Вы не о том думаете. Вы делаете это совсем неправильно. Все слишком сложно, чтобы объяснить. Вам следует понять все самим. Вам следует наблюдать, вам следует жить». Запись сделана в школе

«Мне никто из них не интересен и не буде интересен. Я родилась не там, где должна была? Пусть так. Рядом есть люди, которые нужны и это многое меняет. Мне нужно выбраться из этого места самостоятельно».

Загадочная последовательность и эволюция мнений. Когда я перечитываю строки снова и снова в надежде, что хоть капелька воспоминаний всплывет в моей голове, она угасает с каждым разом – я лишь читаю это снова и снова, и ничего больше. Хотя кое-что все-таки меняется – мне становится чертовски плохо и снова идет кровь из носа. В таком случае либо я останавливаю ее, либо она меня.

Вымышленные люди мелькают в этих туманных и жутких записях. Почему вымышленные? Потому никто из родных или знакомых понятия не имел, какие личности описывались в дневнике. Там не описывалась их внешность, но чувства и эмоции, близость общения и факты наличия контакта указывали на то, что я однозначно, была с ними больше, чем просто знакома. Вопрос, почему об моих «близких друзьях» не знала ни одна живая душа? И куда они делись сейчас? Раз мы были так близки, они, однозначно, напомнили бы о себе, однако, кроме мнимой шизофрении мне мало кто из прошлого о себе напомнил.

– Заказывайте, – объявили мне на кассе.

Я согласилась. Взяв оплаченную еду, села за столик у окна. Небольшое кафе, все вокруг греют солнца лучи, мне казалось, что внезапно пришла весна. Поздний завтрак был не особо вкусным – я жевала лишь для того, чтобы не упасть в обморок от голода. В голове бедствовало мнение, что я должна есть другую еду, другой культуры, что-то совершенно новое. Суета с правого фланга освободила меня от мучений:

– Извините! Извините! Помогите мне, пожалуйста! – молодая девушка вручила мне свой поднос, закинула свое пальто и два подарочных пакета на соседний стул, где уже короновались мои вещи. Эмоциональность ее повествования вводила меня в ступор. – Можно присесть? Пожалуй, присяду, – уточню, что я согласие не оглашала. – Что едите? Блины? Я тоже взяла. А с чем любите? Нет, я не люблю малину. Она ужасна, – честно сказать, гора упала с плеч, камни посыпались с сердца, ведь я была очень даже здорова, и далеко не похожа на пещерного человека, по сравнению с этой дамой. Она, признаюсь, показалась мне веселой. Я отдала себе отчет в том, что мой день сделан. – Вы знаете, у меня вообще аллергия на сладкое, поэтому я взяла с мясом. Не подадите салфетки? Спасибо. О! И сахар, пожалуйста. Вы и чай пьете с малиной? Должно быть, это невыносимо.

– Нет, он без малины, – пожалуй, я выговорила за сегодня.

– Вам еще нужен мед? Ну, спасибо, – мне хотелось ее по-

хвалить: молодец! Человека совершенно не заботит чужое мнение.

– Разве вы не сказали, что у вас аллергия на сладкое?

– Вы приезжая? Какая-то вся белая. Или вам плохо? Хотя и румянец присутствует. Стойте... это же... вы ведь... Боже! – вот тут я подскочила, когда внезапно зашкалили звуковые частоты. – Так вы же та чокнутая! – отлично. Почему бы мне так и не представляться в дальнейшем? «Здравствуйте. Я – чокнутая». Эта красноречивая не по годам дева с первого раза попала в десятку относительно определения моей сути. Опять же хочется ее похвалить. – Это же вы выбросили в мусорный бак зимнюю коллекцию Лилиен Мур! Вот это да! Я ваша фанатка! Когда услышала о вас в новостях, подумала: «Ну, неужели нормальные люди еще существуют на этой планете!» Давно ждала, чтобы эту ***** кто-нибудь поставил на место! Я знаю ее не понаслышке. Несколько лет назад в модельном агентстве шел выбор между мной и ею на фотосессию для журнала ####. Перед нами предстал огромный шанс, мы обе понимали, что это открытая дверь в мир бриллиантов, вспышек фотокамер и роскоши. Так эта ***** подставила меня, намазав мою обувь какой-то скользкой *****.

Я упала прямо на подиуме во время последнего и решающего кастинга. Теперь эта ***** – мировая модель, а я – никто. В следующий раз я пойду с тобою жечь ее одежду. Пойдем сейчас!

– Извините, но мне в другую сторону, – я встала и начала

собираться.

– Как? Куда вы идете?

– Не знаю еще.

– Откуда тогда вы решили, что нам не по пути?

– От того, что я не стану жечь ничьи вещи.

– Почему же? Вам уже нечего терять. Эта бесстыдная девка не будет сидеть, сложа руки. Она найдет вас, и вы получите по заслугам.

– Мне все равно.

Жизнь предоставит нам то, что мы хотим. Загвоздка в том, что жизнь предоставит нам больше – даст все, но видим мы только то, что хотим. Именно так мы достигаем цели.

Я вышла из кафе, в надежде, что эта отчаянная девица не пойдет за мною и тут услышала:

– Эй! Я даже не представилась! Мне будет льстить, если такая известная персона, как ты будет знать мое имя! Меня зовут Ален! Слышишь меня? Ален!

И давно ли мы перешли на «ты»? Я не обернулась, но ее желание было исполнено – на всякий случай, я записала ее имя на обертке дневника, дабы не забыть. Как глупо записывать слова, чтобы не забыть случай.

С первого раза мне было непривычна такая большая эмоциональная самоотдача со стороны мира, столько людей постаралось влезть в мою жизнь. На меня стал давить этот слишком активный и пурпурный город. Я ищу спокойствие и небольшую стабильность. Мне сказали люди, что на Земле

есть такой город, и я отправляюсь именно туда.

Я захожу в здание аэропорта, и меня охватывают грандиозные ощущения. Я поняла, чего так хотела – летать. Озарение придало желание быстрее сесть в самолет. Однако я потерпела смешное фиаско едва ли мы взлетели – я уснула. О, Лилиен, и после стольких ожиданий! И сейчас я взволнованная шагаю по аэропорту в другом городе, где ни одна афиша не написана на понятном мне языке, и абсолютно ничего не помню о полете. Обидно. В дневнике написано, что полетать на самолете – моя мечта.

Необъяснимые ощущения *déjà vu*. Мое сердце бешено колотится, и я жду, когда меня силой снесет волна грядущей энергии. Не понимаю, что со мною происходит в последние несколько часов, они кажутся мне сумбурными, и это слишком волнует мой мозг. Решила, что возможно ответ или хотя бы толчок к нему должен крыться в дневнике.

Я достаю его из сумки в бардовой обертке и судорожно начинаю листать, осознавая, что в этой скорости толпы и эмоциональности моей я ничего не добьюсь. Но мне нельзя сдаваться. Факт того, что я не вижу, куда иду из-за того, что оба моих глаза читают между строками бумагу сильно напрягает меня, и тут на ровном месте началась паника. Меня толкнул незнакомец в спину и я роняю дневник.

– Черт! Стойте!

Не прекращаемый поток людей уносит меня все дальше

и дальше от дневника, я видела, как по моей жизни топчутся десятки ног. Бегу против толпы – это был бой всей моей жизни, который я проиграла, когда дневник скрылся с моих глаз. В каком моменте я дала осечку? Интуиция пророчила мне спокойствие и стабильность в этом городе!

Я была подавлена. Просто уничтожена чередой идиотских случайностей и моим страхом перед неизведанными чувствами. Может, это и было подсказкой к тому, что произойдет нечто нехорошее. Но зачем мне была эта подсказка?! Если бы не она, ничего бы и не произошло! Эти люди, только откуда они взялись с такой силой и в таком количестве, именно в неподходящий момент! Разжимаю ладонь, а в ней последнее, что осталось от меня в суматохе полета к ногам человечества – это вырванная страница из дневника.

«Я слушаю его песни, как в первый раз, как песни какого-то хорошего певца. Я просто слышу его музыку печали и любви, она проходит сквозь меня. Я ничего не чувствую, я больше не знаю этого музыканта. Он вдруг стал чужим, будто я никогда не лежала рядом с ним, он вдруг забылся внутри меня. Как так вышло? Я не достойна его или он меня? Либо мы с ним и были чужие. Та любовь, что слышалась мне раньше проплывает мимо... мимо... мимо и меня не касается. Этот певец обречен, быть вечно одиноким? Я надеюсь, он не выбрал меня с самого начала, надеюсь, я все это время глубоко ошибалась. Я желаю ему счастья. Надеюсь,

его послание души в голосе каждый раз посылалось другому существу с нашей планеты мечты. А она все еще тихо ждет его и слышит дыхание своей истинной любви. Пусть она окажется крепкой и дождется его. Так будет – я помолюсь за них».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.